

Митрополит
Вениамин (Федченков)

**ВСЕМИРНЫЙ
СВЕТИЛЬНИК**

Житие прп. Серафима Саровского

Духовное наследие (Даръ)

митрополит Вениамин (Федченков)

**Всемирный светильник. Житие
преподобного Серафима,
Саровского чудотворца**

ТД "Белый город"

2010

УДК 27-36
ББК 86-372

(Федченков) м.

Всемирный светильник. Житие преподобного Серафима,
Саровского чудотворца / м. (Федченков) — ТД "Белый город",
2010 — (Духовное наследие (Дарь))

Книга митрополита Вениамина (Федченкова) (1880–1958) «Всемирный светильник» повествует о жизни одного из самых почитаемых русских святых — преподобного Серафима Саровского. Она по праву считается блестящим образцом духовной литературы, раскрывая глубину веры, деяния, мудрость и доброту великого старца.

УДК 27-36

ББК 86-372

© (Федченков) м., 2010
© ТД "Белый город", 2010

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Митрополит Вениамин (Федченков)
Всемирный светильник. Житие
преподобного Серафима,
Саровского чудотворца

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10-10-0804

Глава I

Под кровом матери

Земною родиною этого истинно небесного человека, о котором Сама Божия Матерь сказала: «Сей – от рода Нашего», был град Курск, милостиво покрываемый чудотворною Ее иконою Знамения, именуемую «коренною».

Под Ее особым попечением возрос до великой высокой святости преподобный Серафим и удостоился услышать от Нее пресладкое и славное наименование: «Любимиче Мой!»

Телесным же родителем его был благочестивый купец и трудолюбивый строитель Исидор Иванович Мошнин. У него были свои кирпичные заводы, и он занимался постройкой каменных храмов и домов. Для этого дела требуется душа сильная и благоразумная, но Исидор Иванович отличается еще и твердою верою, и истовым благочестием. Еще более украшалась добродетелями мать будущего угодника Божия, истинная раба Господня, Агафия Фотиевна: она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но кроме этого, она была одарена и глубоким разумом и мужественною душою, как мы это скоро увидим.

От таких родителей произросли три ветви: первое дитя – Параскева, старший сын Алексей и младший брат его, будущий светильник вселенной, Прохор.

В мире Божием нет ничего случайного; и даже малые, по-видимому, события имеют свой смысл: будущий богоносец, пламенный Серафим, прославленный еще на земле Фаворским светом славы преображения, родился в ночь с 19 на 20 июля¹, то есть под день славного небошественника, огневидного Илии пророка, великого ветхозаветного постника и созерцателя славы Божией на Хориве, и собеседника Христу Господу на Фаворе. При крещении младенцу дано было имя Прохора, одного из 70 апостолов и первых диаконов Церкви (ср. Деян. 6, 5), память коего празднуется 28 июля, то есть в девятый день по рождении богоизбранного младенца; по церковному закону полагается нарекать святое имя в восьмой день (ср. Лк. 2, 21); здесь дано на день позднее. При размышлении об этом небесном покровителе святого, диаконе – или «служителе» Христовой Церкви и попечителе о бедных и вдовицах (ср. Деян. 6,1), естественно приходит мысль и о преподобном, который сам называл себя слугою Божией Матери и по Ее повелению создал обитель для дивеевских «сирот» – девиц и вдовиц. А как истинный «наставник монахов», и инокинь, и всему миру учитель о благодати, святой Серафим достойно получил свое имя, которое значит «начальник хора»².

Под таким покровом Богоматери, пророка Илии и св. Прохора начали возрастать и расцветать добрые задатки, заложенные в младенца по наследству от сильного духом родителя и милосердной матери Агафии. Наипаче же хранила и воспитывала его благодатная питательница, Святая Церковь, к которой он привержен был от чрева матери своей, богомольной родительницы, на единственном попечении которой скоро остался младенец. Отец его, еще в самом расцвете сил, 43 лет от роду, неожиданно скончался.

---

¹ Все даты в книге даны по старому стилю.

² Прохорос (греч.).

Непостижимы нам пути Божии, но то, несомненно, истинно, что Господь, «глубиною мудрости человеколюбие вся строяй и полезная всем подаваяй», как поется в тропаре усопшим, призвал к Себе раба Своего в нужное время: угодно ли Ему было, чтобы воспитательницею будущего подвижника была более благочестивая и кроткая мать; или впереди предстояло бы преподобному искушение уклона на практический мирской путь, каким шел строитель-отец; или от последнего можно было ожидать несогласия на иноческий подвиг сына, избранного на то Богом, то ведомо единому Промыслителю.

Не испытывая судеб Божиих, смиренно взяла трудный крест молодая вдова, боголюбивая Агафия, не поддавшись малодушию, приняла она на мужественные руки свои трех малолетних сирот, все сложное хозяйство и особенно ответственное дело по постройке храма в честь при. Сергия и Казанской Божией Матери, которую начал супруг ее в 1752 году и каковая кончилась под ее непосредственным надзором. Все это время Прохор был неотлучен от любящей и любимой матери, свято чтимой им до гроба; так что можно сказать, что все детство и юность преподобного прошли под ее влиянием и под знаком богоугодного храмоздательства, которое само по себе привлекало чистую душу его от земли на небо; «дом Божий» становился для него родною обителью. И после мы услышим от угодника Божия, что ему не хотелось бы вовсе уходить из храма, от богослужения.

К началу этого времени относится первое чудо, совершившееся над святым семилетним отроком. Наблюдая над постройкою колокольни, Агафия поднялась на самый верх. Прохор не отставал от нее. И вдруг, неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. В ужасе стремглав сбегала мать вниз, ожидая видеть сына бездыханным. Но, к ее и общему изумлению, он стоял прямо на ногах, совершенно здоров и нисколько не вредим, точно опущенный на ангельских крыльях! Так чудесно хранила благодать Божия Своего избранника, по слову псалмопевца: Ангелам своим заповедает о тебе охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею (Пс. 90, 11–12). А впоследствии та же сила Божия будет поднимать его над землею.

Достоин примечания, что окончание постройки храма совпало с изменением судьбы Прохора: в 1777 году Агафия сдала церковь; в следующем же, 1778 году она отдает сына своего на служение Богу; и он придет в Саровскую обитель ко всеобщему бдению под праздник Введения во храм Богородицы. А через 125 лет в той же самой церкви, около коей прошли первые годы святого, будет пристроен придел во имя его самого. Дивны дела Божии.

Скоро последовало и второе чудо над «избранником Божией Матери». Когда ему было 10 лет, Прохор заболел; мать его не надеялась даже на выздоровление, но сын рассказал ей, что увидел сон: ему явилась Божия Мать и обещала посетить и исцелить его от болезни. Много лет спустя преподобный удостоится явного необычайнейшего лицезрения Божией Матери и святых, после которого он скажет бывшей с ним сомолитвеннице: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне таким образом уже двенадцать раз было явление! Вот какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага – диавола... Призывай на помощь Господа, и Матерь Божию, и святых. И меня, убогого, поминай».

Молилась ли мать, призывал ли Царицу Небесную и сам отрок, но случилось тогда следующее. По городу несли чудотворную икону Коренной Божией Матери. Крестный ход шел по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошниных. Мать быстро подняла больного дитя и вынесла его к Божией Матери. Так Царица Небесная исполнила свое обещание, мальчик вскоре совершенно выздоровел и с усердием отдался обучению.

По природе своей он одарен был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохранились до самой смерти; поэтому, за что бы он ни брался, он все усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и

благочестивому обычаю старых времен, обучение начиналось с Часослова и святых псалмов царя Давида, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием – сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству и все свое свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению. С самого детства он сделался серьезным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других – в иные монастыри, и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении останутся по смерти родителей пять братьев и три сестры. Вот среди какой семьи и содружества «преуспевал в благодати у Бога и человеков» (Лк. 2, 52) будущий светильник не только Православной Церкви, но и всего мира.

Между прочим, благотворное и святое влияние на юного Прохора имел один «раб Божий», некий Христа ради юродивый, подвизавшийся в то время в Курске. Имя его не сохранилось в памяти истории... Много их таких рассеяно было прежде по лику Святой Руси... И великое дело незаметно творили они, отвлекая мир от привязанностей земных и лучше всяких книг уча Евангельскому мироотречению, хриstopодобному смирению, мученическому терпению всяких лишений, предсказывая будущее, утешая страждущих, а иногда и обличая окаменелые души грешных людей.

Один такой «Божий человек» встретил Агафию, когда она шла по городу с обоими сыновьями. Обратив внимание на Прохора, юродивый сказал матери: «Блаженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

С той поры он полюбил отрока и в дальнейшей жизни благотворно действовал на него. Прохор же, как сухая земля – дождь, впитывал в себя все святое и доброе от раба Божия. Благочестивая и православно настроенная мать могла всему этому лишь радоваться и идти навстречу.

Правда, дела ее требовали помощи и младшего сына: кроме кирпичного завода и постройки храма у них была еще своя лавка в городе. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, веревки, ремни и т. п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то и другое: рано, зимой, еще до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался святой юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу с служением миру. «Невозможно, – поучал он после, – всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому у него давно затеплилась душа об уединенной тихой обители, где бы он мог всецело отдаться духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь.

Окружающие примеры увлекали: в это время многие курыне спасались уже по близким и дальним монастырям; не один уже из них дошел и до дремучих Саровских лесов, увлекая туда сердца ищущих безмолвия и строгой иноческой жизни. Между ними особо выделялся благочестием о. Пахомий, из курских купцов Леоновых.

Благочестивая Агафия давно заметила эти святые устремления и не противодействовала им. Как ни любила мать своего сына, она не могла забыть и чудес Божиих над ним, не могла не видеть и необычное его усердие к молитве, любовь к уединению от мира и равнодушие к земным делам; и сердце ее давно уже готовилось к жертве. Потому, когда Прохор дошел до зрелого юношества и открыл свои заветные думы любимой матери, она не удивилась этому, а с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нем святую волю Божию: святая мать добро-

вольно соглашается отдать сына Богу. Тогда преподобный юноша хлопочет об увольнительном свидетельстве от курского общества для поступления в монашество и, как свободная птица, решается сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Происходит трогательно-умилительное прощание его с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встает и кланяется родимой матери в ноги, прося у нее благословения на иночество. Обливаясь слезами, мать прежде всего дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев задумчиво направили стопы свои к колыбели Русской земли, богоспасаемому Киеву...

Почти восемь веков тому назад туда же из того же Курска тайно убежал другой великий подвижник – «железный» Феодосий Печерский, «общего жития начальник». Но то было вопреки воле одной матери, а ныне – по благословию другой.

Что ждет впереди чистые души, горящие святою любовью? Бог весть... но сейчас они *благу* часть избрали (Лк. 10,42).

* * *

Примечание. По установившемуся общепринятому счислению времени событий из жизни преподобного Серафима, рождение его относится обычно к 1759 году.

Но по справкам, добытым в Курской Духовной Консистории ко времени открытия мощей святого угодника, оказывается, что этот год, как и некоторые другие даты, подлежат еще пересмотру. Прежде всего, по метрическим книгам оказалось, что отец преподобного, Исидор Иванович Мошнин, скончался 10 мая 1760 года, 43 лет от роду, а не в 1762 году, на третий год по рождении Прохора, как писалось доселе во всех житиях.

Затем мать его, Агафия Фотиевна, почилла блаженным сном не во время его послушничества, а несравненно позже, в 1800 году, 29 февраля. Следовательно, будучи в Курске за сборами на храм между 1784 и 1786 годами, Прохор если был у брата Алексия, то, без сомнения, видел и мать свою. Обычно же доселе писалось, что он уже не застал ее в живых и поклонился лишь ее могиле.

Но более важный вопрос о годе рождения его самого. В исповедных записях Ильинской церкви, куда была приписана семья Мошниных, за 1762 год прописаны, как имеющие быть у Святого Причащения: Агафия Мошнина и дети ее, Алексей – 11 лет и Прасковья – 14 лет. О Прохоре же здесь не упомянуто: можно бы думать, что ему тогда было всего лишь три года и он не мог еще исповедоваться. Но, к удивлению, за 1768 год в тех же исповедных записях помечено: «Вдова Агафия 50 лет; дети ее: Алексей – 17 лет, Прохор – 14 лет, Прасковья – 19 лет». Если это точно, то Прохор родился не в 1759 году, а в 1754 году, т. е. на 5 лет ранее, и в 1760 году по смерти отца ему шел шестой год, а не третий. Следовательно, в 1762 году ему было семь лет, хотя, по обычаю, дети 7 лет уже бывают у исповеди, но ему лишь шел восьмой, и исповедь была еще впереди.

Может быть, цифры исповедных записей неточны? Это естественно: записывали без особой осторожности, по заявлениям исповедников. Есть основания сомневаться: Агафия умерла в 1800 году, 72 лет, как записано о ней. В таком случае ей в 1768 году было 40 лет, а не 50, как написано. Или же она умерла 82 лет, что менее вероятно. Но зато другие данные, 1768 и 1762 годов, об Алексии и Прасковье совпадают (у Прасковьи и разница в один год не важна, в зависимости от месяца рождения). И в таком случае есть весьма большое основание предпо-

лагать, что Прохор родился на 5 лет ранее обычно принимаемого срока, и тогда все данные его жизни, от богомолья в Киеве до смерти, передвигаются на 5 лет возраста его.

Дальнейшая история должна расследовать этот вопрос.

Глава II На пути в Саров

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. Стоя на пороге новой, неизвестной жизни, они, без сомнения, искали опытных старцев, которые могли бы дать мудрые советы о задуманном ими монашестве и о том, в какой монастырь поступать. И им указали, что в Китаевской обители, в 10 верстах от Киева, спасается прозорливый подвижник Досифей³. К нему поспешно и направил стопы свои Прохор. Увидев его, старец прозрел в нем благодать Божию и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пробудь тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!

В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчественно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное «обучение» монашеское – внутреннее делание молитвы Иисусовой. А особенно примечательно, что прп. Досифей ясно указал ему основную цель всей духовной жизни: «Вселится в тебя Дух Святой». Таково всегда было учение христианское: начиная от Самого Господа, обещавшего послать Утешителя, Духа Истины (см. Ин. 14,16–17; 16,13–15), эту воду живую (см. Ин. 7, 38–39), через апостолов (см. Деян. 10, 44–45; Рим. 8; Гал. 3, 14; 4, 6; Еф. 2, 22; 5,9; Евр. 10, 29), затем – через всех святых отцов до Григория Паламы, с его учением о благодатном Фаворском свете. На этом единственно истинном воззрении всегда воспитывались опытно руководимые Самим Духом Божиим и наставляемые преемственным преданием Православной Церкви все истинные православные подвижники Христовы. Таков был и прозорливый Досифей.

Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце свое к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет в поразительной беседе с Н.А. Мотовиловым мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия. Дивная цель духовная!»

Так решил теперь для него навеки вопрос и о монашестве, и о монастыре: Бог изрек Свою волю устами прозорливца. Можно сказать, что здесь, в Китаевской обители, произошло духовное помазание святого, заложено благодатное зерно всей будущей жизни его и восхода в славу Божию; здесь невидимо миру рука Господня уже почил на нем. Келия Досифеева стала иноческой купелью Прохору: в ней тайно совершилось монашеское обручение Духа Божия с

---

³ Старец Досифей миру был девицей Дарьей Тяпкиной, скрывшей свой пол, чтобы нести свой подвиг под видом монаха-мужчины.

духом его. Отсюда святой вышел, в сущности, уже иноком. Позднейший постриг лишь явно запечатлеет сие избрание Духом. И как Господь после крещения Иоаннова веден был Духом в пустыню, дабы путем искушений приготовиться к прохождению Своего служения, так и Прохор из Киева не сразу идет в Саров, а возвращается еще в дом матери, в родной Курск.

Какова была причина такого замедления, нам точно неизвестно. Хотел ли молодой юноша еще более испытать и проверить себя: может ли он поднять на себя иноческое благое иго Христово (см. Мф. 11,29); желал ли он постепенно приготовить к разлуке любящую мать, или советовал ему так прозорливый старец, дабы укрепить в решении; или иное что промыслительно удерживало его, но Прохор живет еще под кровом матери около двух лет.

Но он живет теперь здесь лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он еще ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же свое проводит в молитве, безмолвном богомыслии, чтении книг и душеспасительных беседах с приходящими. И несомненно, еще здесь он начал исполнять завет Досифея о «непрестанной памяти Божией» и постоянной молитве Иисусовой. Дом сделался для него преддверием монастыря.

Кончился искус. Прохор собирается идти. Горько было расставаться с ним родимой матери; и она – уже без надежды – просит сына: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел бы в монастырь!»

Но он все похоронил уже два года назад в келье под Киевом... И матери оставалось лишь еще раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для нее.

С Прохором пошли и двое из сопаломников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри еще раньше.

Была осень. Жизнь лета замирала. Листва спадала с деревьев. Шли дожди. В Курске еще держалось тепло, но чем севернее, ближе к Тамбовской губернии, тем холод становился ощутительнее. Приближалась зима. Путь был нелегкий... И иноков впереди ждал трудный подвиг борьбы умерщвления страстей, во имя чистого белоснежного бесстрастия, дабы потом ожить уже Духом...

Молча, творя тайно молитву Иисусову, шли будущие подвижники. Вот и Темниковские леса. Вековой бор принял в себя новых борцов духа и высокой дремучей стеной огромных сосен, иногда в 4–5 человеческих обхватов толщиной, отрезал их от прошлого... Оно сделалось далеким, далеким...

Близко уже и таинственный Саров.

В 1661 г. пришел сюда нижегородский монах Феодосий, после него были Герасим, Савватий и др. Но основан был монастырь при иеросхимонахе Иоанне, прибывшем в Саров в 1691 г. Официально же монастырь был открыт в 1706 г. после пожертвования земли князем Даниилом Кугушевым (из рода татарских мурз) и утверждения обители Патриаршим Приказом. Из позднейших преемников особенно достоин почитания Ефрем – как за устройство обители, так и ради своей многострадальной и святой жизни. Он скончался за 5 месяцев до прихода Прохора.

...20 ноября 1778 г., к вечерним сумеркам, подошли три молодых богомольца к воротам Саровской колокольни.

Был канун Введения Божией Матери в Храм Господень. Это по преимуществу праздник иноческий. Это день посвящения Богоотроковицы

Марии на величайшее служение Богу для спасения человеческого рода; уход Ее из мира для спасения мира; праздник девства для приготовления к Боговоплощению. Это праздник обращения Богоневесты для воспитания Ее Духом в Матерь Сыну Божию.

И не случайно было это совпадение. Святой юноша от земной матери пришел к Матери Небесной; из рук честной вдовицы принят был Пренепорочною Приснодевою; от крова храмоздательницы Агафии вступил в покров Божий, в «Пречистый Храм Спасов, Многоценный

Чертог»⁴, в объятия Богородицы. И опять вспоминается чудесная беседа преподобного о «стяжании благодати Святаго Духа» как цели жизни: об этом ясно поется в том же кондаке праздника: «Дева днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, яже (Она Сама) в Дусе Божественно».

«И вселится в тебя Дух Святой» – вспоминается снова пророчество Досифея... Через подколокольные ворота вошли паломники внутрь монастыря. Со всех сторон они сразу окружены были строениями обители, точно живыми руками, приветливо обнимавшими новых обитателей. Позади их как бы затворилась дверь для потустороннего мира: теперь их дом, и родные, и Отец, и Мать – здесь (см. Мф. 12, 48).

Впереди перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители в честь Успения Божией Матери, только год назад тому отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далекую церковь Успенской Киевской Лавры...

Врата храма были открыты. Паломники прямо с пути направили стопы свои в место селения Божия – в дом Царицы Небесной, отсюда невидимо управлявшей монастырем.

Сбылось заветное желание: искатели Града Божия у тихой пристани. Недавно еще поставленный игумен о. Пахомий соборне совершал торжественное праздничное богослужение. Все исполнялось чинно и по Уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора. Он нашел свое место. И теперь мог бы сказать словами псалмопевца: И птичка находит себе жилие, и ласточка – гнездо себе... Блаженны живущие в дому Твоем, Господи (Пс. 83, 4–5); *Это покой мой навеки; здесь вселюсь, ибо Я возжелал его.* (Пс. 131, 14).

---

⁴ Из кондака Введению во Храм Пресвятой Богородицы.

Глава III Послушник Прохор

На другой день все три паломника были у отца игумена. С любовью встретил он их и с радостью принял в обитель. Особенное внимание обратил о. Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал еще по Курску. Прозревая в нем великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и друга, мудрого и любвеобильного казначея о. Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание – келейника.

Так началась монашеская жизнь святого, длившаяся 54 года: трудная она была подвигами, но зато завершилась славным концом святым. Легкое келейное служение у отца казначея было лишь вступлением. Скоро новоначального Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и на хлебной, и в просфорне, и в столярной; затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания – рубку леса, пилку дров и т. д. Дольше всего Прохор занимался столярным делом, в котором выработал большую опытность, так что среди братии был известен преимущественно под именем «Прохора-столяра».

Как проходила его внутренняя жизнь в данный новоначальный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. И больше приходится заключать об этом из позднейших советов преподобного другим, нужно думать, со своего опыта и лишь отчасти – из случайных, незначительных свидетельств его самого о прошлой своей жизни.

Прежде всего, брат Прохор отличался совершенно безропотным исполнением послушания, при этом он, по свойству своего точного характера, все делал с усердием, аккуратностью и возможно совершенно. Это именно и требуется больше всего от новоначальных послушников, дабы они сразу же приучились сокрушать свою мирскую гордость, этот корень всех прочих страстей и основную болезнь падшей души.

Поэтому преподобный и дивеевских монахинь наставлял после главным образом послушанию. «Помни всегда, – вспоминала заветы его Ксения Васильевна Путкова, впоследствии монахиня Капитолина, – послушание превыше всего, превыше поста и молитвы! И не только не отказываться, но бегом бежать нужно на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратий: ибо монах – только тот и монах, когда, как лапти, будет всеми отбит и отрепан».

«Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы: человек этот погибнет».

И духовнику обители, протоиерею о. Василию Садовскому, святой угодник тоже говорил: «Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это; и я всегда говорю».

«Затем батюшка объяснял мне, – записал о. Василий, – как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику, и тем более хуление начальников; ибо первое правило иноку, – на этом все монашество зиждется, – послушание и полное отсечение воли; вследствие неисполнения которых возник и первородный грех ветхого Адама, все погубивший;

и чем только и спасен весь мир через человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо послушлив был даже до смерти! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так непременно погибнет...»

Помилуй нас, Господи, своевольных!

На втором месте для новоначальных ставит батюшка труд, в чем бы он ни состоял: «Благословляю им, т. е. дивеевским сестрам, как от сна встают, – тут же за работу; читая про себя, хотя бы и на ходу, мое правило; если так сотворят, – спасутся».

«Если есть рукоделие, – давал он после наставление монаху, – занимайся оным; если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче – Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме». «Если зовут на послушание, иди на оное». И сам он никогда не пребывал без дела, не допускал себя до праздности. Если был свободен от послушаний и молитвы, то удалялся молча в келью и там принимался за какое-нибудь дело: то вырезал кипарисовые кресты, то читал Слово Божие, или творения святых отцов, или жития святых. Кроме Библии и Четий-Миней, у него были творения святого Василия Великого, преподобного Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие и др.

На чтение он тоже смотрел как на особый подвиг, который называл «бдением». Евангелие и послания апостолов он читал перед иконами и непременно стоя, в молитвенном положении.

«Душу надо снабдевать, питать Словом Божиим, – говорит он, – всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; это делать подобает стоящему». Псалтирь он позволял, впрочем, читать иногда и сидя. «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, читающий Священное Писание «принимает в себя от сего теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова».

Более же всего оное делать должно для себя, чтобы приобрести мир душевный по учению псалмопевца: *Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения* (Пс. 118, 165).

Несомненно, преподобный все это говорил с собственного опыта. А однажды он даже изрек необычайное пророческое увещание о чтении: «Очень полезно... прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостью, но исполняет его дара разумения». И мирянам он заповедовал читать слово Божие. «Что читать?» – спросил его один посетитель. – «Евангелие, – ответил батюшка: по четыре зачала в день, каждого евангелиста – по зачалу».

После труда и чтения преподобный дает новоначальным наставление уже о молитве и говорит точно то самое, что он слышал еще из уст Досифея и в чем сам подвизался непрестанно: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу». «За рукоделием или будучи где-либо на послушании, – наставляет он монаха, – твори беспреестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного*. В молитвах внемли себе, т. е. ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множая твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати

Своя и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспреестанно, и всегда будет с тобой, наслаждая и питая тебя... Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т. е. беседу с Самим Господом, то зачем ходить по кельям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие».

Что касается церковной молитвы, то преподобный давал такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи – разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

И сам он стоял в церкви, закрывая очи. При этом приходил к богослужению раньше других и никогда не выходил прежде окончания его. Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о «царском» пути: «Выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем».

«Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других». Однако нужно «не обленяться и побуждать себя к лучшему». В частности, относительно, например, сна преподобный говорил одному иноку: «Каждый день непрестанно, в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й, и час за полунощ; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи неизменно до кончины жизни: ибо оно нужно для упокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

Впоследствии другим, более немощным, он позволял спать ночью даже 6 часов, а при утомлении еще советовал и после обеда немного отдыхать.

Равным образом держался умеренности послушник Прохор в пище: «Чтобы наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишать себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может... Иначе... изнемогшу телу, и душа ослабевает». В частности: «По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, – говорил он, – пищу употребляй один раз в день; и Ангел Господень прилепится к тебе». Для других дней советовал такое правило: «За обедом ешь довольно; за ужином повоздержись». «Чревоугодие – не монашеское дело». А дивеевским сестрам он вообще давал снисходительное наставление, чтобы они кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью, лишь бы были послушны, да никогда не жили в одиночку, ни в келье, ни в дороге. Впрочем, он считал, что женщины, по слабости своей, вообще менее способны на суровые подвиги воздержания. Но, кроме того, он не хотел наложить лишней тяги греха на чью-либо душу в случае неисполнения строгого поста или обетов: «Аще кто может, – тот и исполняет». Даже о среде и пятке некоему монаху он сказал условно: «Аще можешь, вкушай, но однажды». «Тело же, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскресении дщери Иаировой от смерти, тут же повелел ей есть» (ср. Лк. 8, 55).

Но зато преподобный настойчиво советовал всячески хранить «мир душевный», за чем особенно следил и в самом себе: «Всеми мерами надобно стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других»; «Ничтоже лучше есть во Христе – мира»; «Святые отцы имели мирное устройство и, будучи осеяемы благодатию Божиею, жили долго»; «Стяжи мир, – говорит он впоследствии, – и вокруг тебя спасутся тысячи». А «когда человек придет в мирное настроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума»; «Сей мир как некое бесценное сокровище оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим перед смертью Своею» (ср. Ин. 14, 27).

О нем также говорит и апостол: *и мир Божий... да соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). Для сего он прежде всего советовал «погружать ум внутрь себя и иметь делание в сердце своем, тогда благодать Божия приосеяет его, и он бывает в мирном устройении». Затем должно приучаться «оскорбления от других переносить равнодушно... Как бы их оскорбления не до нас, а до других касались. Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью Самого Бога».

«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по псалмопевцу: *я потрясен и не могу говорить* (Пс. 76, 5)».

«Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других...»; «А чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе... и спрашивать: где я?» В особенности же для мира душевного «должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный. По слову Сираха: *ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Сир. 30, 25)».

На этом «радостном духе» подобает остановиться с особым вниманием в жизни преподобного: он был отличительным свойством его, особенно впоследствии. Но не без борьбы достался даже ему сей благодатный дар, столь спасительный для притекавших потом к нему страждущих душ. Есть основание думать, что бес уныния напал в начале монашества и на него самого.

«Трудно, – говорит преподобный, – избежать этой болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее».

«Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блудись от духа уныния, ибо от сего рождается всякое зло... происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселения из места в место». «Несносным становится и место жительства, и живущие с ним братия». Тогда «демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить». «И монах становится подобным безводному облаку, гонимому ветром». А иногда, наоборот, «злой дух печали», «овладевает душою», «лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования», «она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее: душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и исступленною, не может спокойно принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы».

Можно думать, что «напал» этот злой дух уныния и на преподобного. Но он сразу и решительно находил выход из него. Первое «врачевание, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей», есть «смиреномудрие сердца», как учит святой Исаак Сирин. Другое врачевство видел он в труде и подвигах: «Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия».

Оба же эти пути сводятся прежде всего к простому безропотному исполнению послушания: «Здесь и смирение и подвиг». «Прежде всего, – говорил преподобный, – должно бороться против уныния посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни». А все это, вместе взятое, ведет к последнему исцелению духовных болезней – к бесстрастию: «кто победил страсти, тот победил и печаль».

И если сам преподобный был всегда мирен и радостен, это истинный знак того, что он достиг постепенно бесстрастия и «презрения мира» с его похотьми (ср. 1 Ин. 2,16).

А умея преодолевать искушения в самом себе, подвижник мог уже по опыту помогать и другим, вливая в них дух радости Божией.

Один Саровский инок поддался подобному искушению. Желая найти себе облегчение, он поделился своею скорбью с другим братом. После вечерни они вышли из монастыря и, гуляя вокруг ограды, дошли до конного двора. Вдруг они видят преподобного. Глубоко почитая его, они упали ему в ноги. Угодник Божий с необычайной ласкою благословил их и, прозрев уныние брата, запел: «Радости мое сердце исполни, Дево, Яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи (Тропарь из канона Богородице). Потом, топнув ножкою, святой старец с силою и восторгом сказал: «Нет нам дороги унывать; ибо Христос все победил, Адама

воскресил, Еву свободил, смерть умертвил!» Радость его передалась унывающему брату; искушение мгновенно исчезло, и иноки в мирном и веселом духе возвратились в монастырь.

А монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) в записях своих оставила нам свидетельство о воззрении преподобного на уныние и радость вообще: «Веселость – не грех, матушка, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собою. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже бывал; и такой веселый-то был, радость моя! Бывало, как ни приду на клирос-то, братия устанут; ну и уныние нападет на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не поют. Все соберутся, а я и веселю их; они и усталости не чувствуют! Ведь дурное что говорить ли, делать ли – нехорошо, и в храме Божиим не подобает. А сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был, – вовсе не грешно, матушка».

И этот дух Христова мира и радости все более возрастал в преподобном, дойдя потом до постоянной пасхальной радости; отчего он часто и называл своих собеседников «Радость моя!» или встречал приветом: «Христос воскрес».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями, это нам неизвестно. Правда, в своих наставлениях он говорит: «Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!»

Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но нет никакого сомнения, что эти страсти не имели в нем материала: чистый от юности, он без труда преодолевал находящиеся на него помыслы и даже обращал эти искушения вражьи в поводы к добру тем, что противился им: «Если мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим».

«В этих нападениях, – учил он, – тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей».

Этот «нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне».

Так именно «внешне» лишь приражался он к нему самому, не находя в святом послушнике пищи и палимый его молитвою при первых же искусительных приступах своих. И впоследствии он дерзновенно говорил о себе духовнику Дивеевской обители о. Садовскому так: «Как я и сам – девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки».

И Н.А. Мотовилову объяснял он, что дев-инокинь нужно устраивать отдельно от вдовиц, по повелению Самой Божией Матери. «К нам придут вдовицы и отроковицы с собою приведут, – говорил он дивеевской сестре Матроне. – Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они во многом различны от нас (девственных). Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом, созерцает Его в страданиях и вся свободная духом служит Господу; а у вдовицы много воспоминаний о мирском: «Как хорош был покойник-то наш! Какой он был добрый человек!» – говорят они».

Поэтому он для девиц выделил особую часть монастыря с мельницей, которая потом и называлась «Мельничною девичьею» обителью. Такое самосвидетельство преподобного вернее всяких других показаний ручается за непорочность его. Но чтоб сильнее, глубже очистить и остатки движений естества, Господь почти в самом же начале монашества послал ему тяжелую болезнь. «Тело есть раб, душа – царица, – учил он после, – а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуруется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя». Впрочем, «и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей»; «Отними грех, и болезни оставят».

Через 2 года после вступления в монастырь Прохор тяжело заболел водянкою: он весь распух и большею частью лежал в келье неподвижно. Недуг продолжался около трех лет. Игу-

мен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушного инока, с любовью ухаживали за ним. Не видя улучшения и даже боясь за смертельный исход болезни, о. Пахомий предложил пригласить врача. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причастием Святых Таин».

Старец Иосиф с усердием отслужил бдение и литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. После этого Прохор быстро выздоровел.

Впоследствии он сам рассказал многим, что после Святого Причастия ему явилась в нескazanном свете Пречистая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, обратившись лицом к апостолу Иоанну, изрекла, указывая на болящего:

«Сей – от рода нашего! (т. е. небесного)»; «Затем, – повествует с его слов монахиня Капитолина, – правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребоольшая была; и до сих пор яма-то цела, матушка: погляди-ка, дай ручку». И батюшка сам, бывало, возьмет да и вложит мою ручку в яму; и велика же она была у него: так вот весь кулак и взойдет».

Так чудесно исцелился Прохор. Другим же, а особенно мирянам, он разрешал и лечиться. Спрашивавшему его об этом некоему Богданову дал такой совет: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя – иди средним путем: выше сил не берись, упадешь, и враг посмеется тебе. Аще юн сый, удержишься от высоких», то есть подвигов и намерений. «Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму. Тот было и согласился, но святой Георгий Победоносец удержал его»⁵.

В следующем году после выздоровления на месте этой кельи начали строить больничный корпус, и место явления Божией Матери пришлось как раз под алтарь храма. Преподобный сам сделал кипарисовый престол и до самой своей смерти причащался здесь, благодарно вспоминая милость Божией Матери. Для построения этой церкви был разрешен сбор; и исцеленный Прохор с особым усердием принял новое послушание – сборщика; обходя города и селения, он дошел и до Курска. Здесь он еще раз увиделся и со своею матерью, братом Алексием и другими родными; от них он получил усердную лепту на святое дело и возвратился в родной духовно Саров.

В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он – уже не земного «рода», а небесного. Здесь же раб Божий жил внешнею видимостью: он даже и дом посетил как бы мимоходом, чтоб совсем потом забыть о нем. За 8 лет послушничества он всю душу прилепился к горнему миру: там он был истинно родной.

Оставалось запечатлеть это благодатным постригом: послушник созрел уже до иноческого новорождения.

---

⁵ Из жития святого Феодора Сикеота.

Глава IV В ангельском чине

В конце Успенского поста, 13 августа 1786 года⁶, игумен Пахомий постриг послушника Прохора в монашество. Вместо него родился для новой духовной жизни в «ангельском чине» инок Серафим, что значит с еврейского языка и «пламенный», и «согревающий». И это имя, несомненно, данное ему за его горение духа, он оправдал вполне и своею пламенной любовью к Богу и Божией Матери, и теплою ласкою к людям. Легко и с трепетною радостью подклонил голову свою под ножницы постригающего новый монах, ни одна мысль о разлуке с миром не омрачила его души в момент духовного «венчания» ее с Женихом Небесным. Как созревший плод, отдал он себя в руки Божии. Вместе с отрезанными волосами окончательно обрезалась прошлая жизнь: отныне взявшийся за плуг подвижник никогда уже не будет озираться назад (ср. Лк. 6, 62). «Я, матушка, – говорил он впоследствии дивеевской сестре Прасковье, – всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслью, не выходил из монастыря».

Теперь у него все впереди. И если всякий монах по опыту знает, какую радостью и ревностью ко спасению зажигает благодать Божия душу новопостриженного, то каким же огнем загорелся пламенный дух Серафима!..

Мы не знаем этого из его слов: не любил он рассыпать по людям тайн внутренней своей жизни. И другим потом не советовал: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну»; «Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдешь. Всего жалостнее то, что от сего нехранения и многословия может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердца: ибо, – говорил преподобный словами святого Исаака Сирина, – ничтоже так устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока по освящении души, якоже соображение, и многословие, и себе-седование».

И потому если он и прежде, во время послушничества, уклонялся в уединение и молчание, то теперь и вовсе уходит внутрь клетки души своей (ср. Мф. 6, 6–7).

Позднее в наставлениях своих он учит: «Паче всего должно украшать себя молчанием. Ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни одного. И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же суть оружие мира сего» (Добротолюбие, Т. V. Иноки Каллист и Игнатий); «От уединения и молчания рождается умиление и кротость»; «Пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поученье делает человека благочестивым»; ты только сиди в келье во внимании и молчании, всеми мерами старайся приближать себя к Господу; а Господь готов сделать из человека Ангела»; «Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на это, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную Свою милость».

---

⁶ В день кончины святителя Тихона Задонского.

Особенно же преподобный Серафим наблюдал, «чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псаломнику: *Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих...* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *От тайных моих очисти меня* (Пс. 18, 13)».

Даже во внешнем поведении иноку нужно вести себя собранно и замкнуто: «встречающихся старцев или братию» должно «поклонами почитать, имея очи всегда заключены».

Даже «сидя за трапезою, не смотри» ни на кого «и не осуждай, кто сколько ест; но внимай себе, питая душу молитвою».

И лишь два исключения делает преподобный: во-первых, при общении «с чадами Тайн Божиих», то есть с истинно духовными единомышленниками; а во-вторых, при печали брата: «Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом». Но и тут нужно быть рассудительным; неопытному же лучше и здесь молчать, особенно кто самого себя не устроил еще. «Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить?» – говорил преподобный одному иноку. «Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдишь осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем». Несомненно, он и сам так поступал, особенно в начале иночества: «Человек должен обращать внимание на начало и конец своей жизни; в середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен».

В частности, преподобный настойчиво советовал иноку строго «хранить себя от обращения с женским полом: ибо как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленная между горящими, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно слабеет».

И даже в старости своей он дал такой совет одному семинаристу, впоследствии настоятелю монастыря, архимандриту Никону: «Бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин); ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны...» И сам он, как сейчас увидим, был в начале монашества необыкновенно осторожен и решителен.

Еще можно было бы прибавить к этому сокровенному моменту первых дней монашества святого несомненное усиление в молитвенном подвиге; а затем и стремление к полному уединению, куда обычно влекутся сердца пламенных богомольцев. Но это осуществится несколько позднее; а теперь ему предстоит служение среди братии и сотрудничество своим духовным отцам игумену Пахомию и старцу Исаии, который был дан ему в духовные отцы при его постриге, которым он вверился с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

Вскоре же после пострига он был представлен к рукоположению в сан диакона. И 27 октября того же 1789 года, то есть всего лишь через два с половиною месяца, он был рукоположен епископом Виктором Владимирским: Саров тогда входил в эту епархию. Повышая так скоро новопостриженного инока, святые отцы отметили этим то глубокое уважение, каким пользовался уже угодник Божий еще во время послушнического искуса. К нему применимо слово Писания: достопочтенная старость не числом лет почитывается, лишь по-человечески – «в седине и мудрость, а в старом возрасте – житие нескверное». Но благоугодивший Богу делается любим Им и людьми, несмотря на молодость; ибо он *исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу* (Прем. 4, 8-14). И отец игумен, обычно строгий в соблюдении уставов и церковных порядков, на сей раз считает молодого инока достойным высокой чести, проявляя в этом и свою особую к нему любовь. «Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, – говорил после угодник Божий, – мужи святые, любили меня, как свои души. И ничего ими от меня не потаено; и о том, что им было для своей души, и для меня полезно, пек лися». А «когда батюшка Пахомий служил, то без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

И даже выезжая куда-либо из монастыря, особенно для богослужений, брал с собою именно иеродиакона Серафима и ничего от него не таил: так он любил и ценил его.

Но Промысл Божий имел и другую, более благую и высокую цель в новом послушании – развивать и усовершенствовать в своем пламенном слуге горение любви к Богу и восхищающий в горний мир дух молитвы: этому же ничто так не содействует, как собственное участие в служении Божественной литургии. Между тем если бы преподобный остался на обычных иноческих послушаниях, то они отвлекли бы его от предназначенного ему Богом пути созерцательной жизни. Теперь же, в течение 6 лет и 10 месяцев, преподобный очень часто служит литургии, уносясь в иной, ему уже свой, мир. «Сей – от рода нашего», – говорила Небесная Госпожа его.

Как он готовился к совершению пренебесного Таинства, видно из того, что под воскресенья и праздничные дни преподобный целые ночи проводил в молитве. А по окончании службы задерживался в храме, приводя в порядок утварь, складывая облачения, заботясь о чистоте храма. Насколько высоко он ценил славу священное лужения, видно и из завещания его дивеевским сестрам, прислуживавшим в церкви.

«Все церковные должности, – записала монахиня Капитолина, – должны исправляться только девицами: так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передавая другим!»

«Никак и никогда не позволять входить в алтарь непостриженным сестрам»; «Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было не разговаривать в алтаре, если бы даже пришлось и потерпеть за это; ибо Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия. Кто же возглаголет пред лицом Его!» – говорил батюшка.

Даже вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, не должно бросать его с небрежением и куда попало: «Токмо прах храма Божия свят уже есть». И воду сливать тоже нужно в особое чистое место.

И вообще батюшка учил так о храме: «Нет паче (выше) послушания, как послушание в церкви! И если токмо тряпochкою протереть пол в дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога. Нет послушания выше церкви! И все, что ни творится в ней, – и как входите, и отходите, – все должно творить со страхом и трепетом и никогда не престающею молитвою. И кого токмо убоимся в ней! И где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприисутствует!»

«И никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говорить в ней! И что же краше, выше и преславнее церкви!»

Так он чувствовал, так и сам поступал до самой смерти. Один из посетителей удостоился побывать у него за 10 дней до кончины.

«Я пришел, – писал он, – в больничную церковь к ранней обедне, еще до начала службы. И увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение; и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним:

– После, после!

Какою же неземною жизнью жил он сам в храме, и особенно за литургией, об этом в некоторой степени можно лишь догадываться из слов его, что, пребывая в храме, он забывал и отдых, и пищу, и питье и, оставляя церковь, об одном лишь говорил с жалостью: «Почему человек не может, подобно Ангелам, беспрестанно служить Господу?» – а их он созерцал не раз при совершении богослужения».

– Вид их, – говорил о. Серафим, – был молниезрачен; одежда белая, как снег, или златотканая; пение же их и передать невозможно.

Невыразимый восторг охватывал тогда преподобного. «Бысть сердце мое, – говорил он, – яко воск тает от неизреченной радости (Пс. 21, 15). И не помнил я ничего от такой радости. Помнил только, как входил в святую церковь да выходил из нее». И однажды он во время

литургии сподобился такого видения, какого удостаивались очень немногие и из самых великих святых.

«Однажды случилось мне служить в святой и Великий четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно – вечернею. После малого входа и паремии возгласил я, убогий, в Царских вратах: “Господи, спаси благочестивый и услыши ны!” и, войдя в Царские врата и наведя орарем на народ, окончил: “И во веки веков”, – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного Небесными Силами, Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистыя Свои руки,

Господь благословил служащих и предстоящих; посем вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону Царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Преподобный Серафим изменился видом и, пораженный божественным видением, не мог сойти даже с места у Царских врат. Заметив это, о. Пахомий послал двух других иеродиаконов, которые, взяв его под руки, ввели во святой алтарь. Но он еще около трех часов продолжал стоять здесь неподвижно в благодатном изумлении. И только лицо его все время изменялось: то делалось бело, как снег, то разливался по нему румянец.

После окончания богослужения старцы спросили его: «Что случилось?»

И о. Серафим, ничего не таивший от своих духовных отцов, поведал им все. Они дали завет ему: ограждать себя молчанием и еще более углубляться в смирение, опасаясь надмения от такого необычного видения. Преподобный принял их наставление со всею кротостью и молчал до нужного времени.

А что испытывал угодник Божий в Святом Таинстве Причащения, то ведомо вполне ему лишь одному. Из наставлений же его мы знаем, какое величайшее значение он придавал святой Евхаристии.

Когда его спросили, как часто приступать к пренебесному Таинству, он ответил: «Чем чаще, тем лучше».

В частности, дивеевским сестрам дал следующее правило, как записала инокиня Капитолина: «Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь по возможности сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступать к искупляющему вся и всех Святому Таинству, умиленно говоря: “Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.